

Сколько Линь Сюэцэ себя помнил, столько та пара — мужчина и женщина — были для него отцом и матерью.

После того как Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин обращались с ним холодно и жестоко, они часто заставляли Линь Сюэцэ снова и снова «задумываться», в чём именно он провинился.

Он вырос в такой обстановке и никогда не сомневался в своих родителях. Напротив — чем меньше в его жизни было родственного тепла, тем отчаяннее он тянулся к нему.

После достижения восемнадцати лет, узнав, что на самом деле он — фальшивый наследник, первой реакцией Линь Сюэцэ было... чувство вины.

«Неудивительно, что я плохо учусь, что в шоу-бизнесе у меня ничего не вышло, что я не смог прославить родителей. Оказывается, я не их родной сын. Я всего лишь сирота без отца и матери».

Он больше десяти лет занимал место Линь Цинтяня, рос в богатом доме — и при этом ничего собой не представлял. А Линь Цинтянь, скитавшийся снаружи, росший дико и без опоры, оказался во всём лучше него.

Линь Сюэцэ погрузился в глубокое самоунижение.

Именно поэтому он и умолял Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин оставить его в доме.

Ему казалось, что он в долгу перед этой семьёй. Он хотел искупить свою вину.

Если бы не тот сон... Если бы не воспоминания о нём — сейчас, когда Чжэн Мэйлин потребовала бы у него сдать кровь, он бы без малейших колебаний согласился. Более того — сделал бы это с радостью, с переполненным сердцем: наконец-то он может хоть чем-то быть полезен этой семье.

Но с появлением воспоминаний о сне его характер начал меняться под влиянием самого себя из прошлой жизни. Он постепенно вырывался из водоворота под названием «семья Линь».

И он понял: на самом деле он ничего не должен этой семье.

Более того — в прошлой жизни, когда он вырос сиротой, он жил куда счастливее, чем сейчас.

Родители, которые не любят своего ребёнка, приносят ему лишь гибель.

К счастью, он очнулся вовремя.

Да, история с настоящим и подставным наследником принесла ему немало бед. Его репутация сейчас почти полностью разрушена.

Но по крайней мере он жив и здоров. И ещё не поздно всё изменить.

— Нет, я не согласен.

Линь Сюэцэ посмотрел на членов семьи Линь и прямо отказал.

Его воспитывали мягким, покорным — человеком, у которого никогда не возникало даже

мысли о сопротивлении. Даже когда ему было невыносимо тяжело, он лишь мямлил пару слов и в итоге бессильно уступал.

За все эти годы это был первый раз, когда Линь Сюэцэ открыто отказал Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин.

Они явно опешили.

В руках у Линь Гохуа всё ещё были инструменты для забора крови — он уже приготовился к процедуре и совершенно не ожидал, что Линь Сюэцэ осмелится сказать «нет».

Лицо Линь Гохуа тут же помрачнело.

— Что ты сказал? Ты не согласен?

— Да, — спокойно ответил Линь Сюэцэ. — Я не понимаю, зачем нужно брать так много крови.

— Я же только что сказал, — с полным ощущением собственной правоты произнёс Линь Гохуа. — Ваши дата рождения совпадают, твоя натальная карта идеально подходит сыну дяди Сюэ. Всего-то несколько чаш крови, мы же не жизнь у тебя забираем.

Линь Сюэцэ посмотрел на него прямо:

— Откуда у вас вообще мои натальные карты?

— Мы тебя вырастили, и конечно, мы о тебе всё знаем, — не задумываясь ответил Линь Гохуа.

— Я сирота, которого вы перепутали при рождении, — спокойно напомнил Линь Сюэцэ.

Линь Гохуа поперхнулся словами и лишь спустя мгновение сообразил: история с настоящим и подставным наследником уже вскрылась, и Линь Сюэцэ давно знает, что он им не родной.

В день восемнадцатилетия Линь Цинтяня Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин нетерпеливо забрали его домой и сразу же предали огласке правду о подмене.

С тех пор, чтобы усилить чувство вины Линь Сюэцэ, они не раз и не два напоминали ему о его происхождении, заставляя постоянно помнить: он всего лишь сирота и должен вести себя соответствующе и «разумно».

И кто бы мог подумать, что именно сейчас он воспользуется этим фактом.

Линь Сюэцэ был светлокочим, высоким и худым, с изящными чертами лица. Его узкие глаза — чёрно-белые, чистые — придавали ему почти классическую, старинную красоту.

Обычно он был робким, вечно опускал голову, словно сжимался в комок, выглядя жалким и бесполезным.

Но сегодня он поднял взгляд и посмотрел прямо — холодно, отстранённо, и в этом взгляде скрывалось невыразимое давление.

Застигнутый врасплох, Линь Гохуа завис на добрую минуту, прежде чем с трудом выдавить:

— Ты... ты и Цинтянь одного возраста. Иначе как бы мы тогда могли перепутать вас?

— Вот как, значит, вы это высчитали, — уголки губ Линь Сюэцэ слегка приподнялись, он кивнул.

На первый взгляд — согласие. Но любой внимательный человек уловил бы в этом жесте тонкую, почти невесомую насмешку.

Не зная его настоящей даты рождения, они просто взяли натальную карту Линь Цинтяня, пересчитали — и в итоге выбрали его, чтобы он вступил в этот мрачный «брак мёртвых».

Как ни посмотри — объяснение не выдерживало критики. Очевидно, что родного сына им было жаль, а с приёмным можно было не церемониться.

В обычное время Линь Гохуа отстаивал бы своё мнение с полной уверенностью. Но сегодня Линь Сюэцэ казался каким-то... не таким. И это странное ощущение лишало его привычного напора.

В комнате повисла неловкая тишина. Увидев это, Линь Цинтянь поспешил вмешаться:

— Папа, мама, раз Сюэцэ не хочет, тогда сдам я. Это лишь несколько чаш крови, не смертельно. Для такого молодого, как я, это вообще не потеря. Если так можно помочь дяде Сюэ, мне кажется, это даже хорошо.

Линь Гохуа всё ещё был раздражён — что вообще сегодня происходит с этим Линь Сюэцэ, с чего он вдруг перестал быть послушным и покладистым?

Он как раз подыскивал способ, как всё-таки заставить Линь Сюэцэ согласиться, когда услышал слова Линь Цинтяня.

И тут же всполошился:

— Как это — ты?! Ты с детства рос не рядом с нами, за тобой никто не ухаживал. Ты только сейчас начал по-настоящему жить, как можно позволить тебе заниматься такими вещами?!

— Пусть я и не рос рядом с вами и больше десяти лет не знал родительской любви, — с улыбкой ответил Линь Цинтянь, — но, как видите, я благополучно дожил до восемнадцати. На следующей неделе я ещё и буду представлять школу на соревнованиях и прослаблю семью. Так что не переживайте.

Для главного героя умение угождать и утешать было почти врождённым талантом.

Тем более — когда речь шла о собственном отце, у которого предвзятость шла «в комплекте».

После слов Линь Цинтяня Линь Гохуа мгновенно переполнили и гордость, и жалость.

Как-никак — родной сын. Вырос вдали от семьи, без заботы, а всё равно стал таким выдающимся и чутким.

Не то что эта неблагодарная тварь, которую сколько ни корми — всё бесполезно.

— Раз ты собираешься представлять школу на соревнованиях, тебе тем более нельзя сдавать кровь, — заявил Линь Гохуа и, повернувшись к Линь Сюэцэ, резко сменил тон. — Сюэцэ, а у тебя намечаются какие-нибудь мероприятия? Конкурсы, состязания... да хоть выступление какое-нибудь?

— Нет, — ответил Линь Сюэцэ.

Линь Гохуа усмехнулся холодно:

— По делу дяди Сюэ мы с твоей матерью уже дали твёрдое слово, всё обговорили как следует. Мы рассчитывали, что ты всё-таки вырос в нашем доме и хотя бы учтёшь нашу позицию, не станешь из-за такой мелочи портить отношения между семьями Сюэ и Линь. Но, видимо, я слишком наивен. Ты ведь не мой родной сын — вырос, крылья окрепли. Если ты не согласен, мы, конечно, ничего не можем поделать.

Линь Сюэцэ окончательно убедился в правде и больше не испытывал ни малейшего желания продолжать этот разговор.

Он тут же поднялся:

— Тогда на этом и закончим.

С этими словами он развернулся и направился к выходу.

— Стоять! — увидев, что тот и вправду уходит, Линь Гохуа пришёл в бешенство. — Линь Сюэцэ, это что ещё за поведение?!

Линь Сюэцэ остановился.

Линь Гохуа тоже встал, повысив голос:

— Мы растили тебя с самого детства, вложили в тебя бесчисленное количество сил! Ты отнял у Цинтяня больше десяти лет родительской любви! Даже зная, что ты нам не родной, мы всё равно оставили тебя в семье. И теперь из-за такой пустяковой вещи ты собираешься устроить в доме полный переполох?!

Линь Сюэцэ обернулся.

Глядя на лицо Линь Гохуа, он вдруг вспомнил сцены из книги: как после забора крови его одна за другой настигали неудачи, как он попал в аварию, остался инвалидом, а затем его безжалостно выбросили из семьи Линь.

Разъярённое лицо Линь Гохуа сейчас почти полностью совпало с тем холодным, презрительным выражением из книги.

Неизвестно почему, но Линь Сюэцэ вдруг захотелось рассмеяться.

— Вложили бесчисленное количество сил? — тихо переспросил он. — О каких силах вы говорите?

Он перевёл взгляд на обеденный стол:

— О вот этих объедках и холодных остатках еды?

Линь Гохуа на мгновение лишился дара речи. Полный стол остывших, недоеденных блюд действительно выглядел отвратительно.

Но ведь Линь Сюэцэ ел так с самого детства. Привык. С чего бы ему теперь брезговать?

— Так это потому, что ты слишком поздно возвращаешься домой! — огрызнулся Линь Гохуа. — Что, вся семья должна сидеть голодной и ждать тебя? И не забывай — это вообще-то бесплатная еда.

— Похоже, вы тоже забыли, — спокойно сказал Линь Сюэцэ, — что я почти десять лет был детской звездой.

В пять лет, однажды выйдя из дома, он случайно попался на глаза агенту. С этого дня его «звёздная дорога» и началась.

Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин, будучи его опекунами и одновременно агентами, буквально заваливали его работой.

В те годы государственные ограничения на съёмки с участием детей ещё не были введены, и Линь Сюэцэ круглый год варился в индустрии: реклама, видеоролики, эпизодические роли в сериалах — он брался за всё. Он даже работал моделью для Taobao.

Пока он изматывал себя бесконечными съёмками, Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин с тем же рвением считали деньги.

Семья Линь и без того обладала кое-какими активами, но у Линь Гохуа не было коммерческой жилки. Каждый раз, когда бизнес падал на дно, именно деньги, заработанные Линь Сюэцэ в детстве, спасали семью и шли на затыкание дыр. Позже Чжэн Мэйлин взяла финансы в свои руки — у неё талантов оказалось побольше. Используя деньги, заработанные ребёнком, она удачно инвестировала и в итоге буквально вытащила семью Линь с того света.

Так продолжалось до тех пор, пока Линь Сюэцэ не пошёл в среднюю школу.

Однажды, из-за хронического недосыпа, он уснул прямо на экзамене и сдал пустой бланк. Вскоре всплыла правда: он сутками работал и почти не появлялся в школе.

Поскольку он был публичной фигурой, волна травли обрушилась мгновенно. Хейтеры начали фабриковать слухи, «чёрный материал» сыпался один за другим. После всенародного порицания его коммерческая ценность ушла в минус — ни съёмочные группы, ни бренды

больше не осмеливались с ним сотрудничать. Только тогда эта жизнь наконец остановилась.

Следующие несколько лет Линь Сюэцэ сосредоточился на учёбе и довольно быстро догнал одноклассников.

Из-за скандальной репутации и посредственной актёрской техники его отвергли три крупнейших профильных вуза.

Но с общеобразовательными предметами у него всё было в порядке, и он всё же поступил в Н-университет — один из вузов категории 211 — на актёрский факультет.

Раньше Линь Сюэцэ долгие годы систематически психологически ломали и манипулировали под видом «воспитания» — робкий, запуганный, не смеющий возражать.

Но сейчас он ясно понимал: всё, что у него есть, он заработал сам.

Он ничего не должен семье Линь.

Наоборот — это они задолжали ему.

Когда он заговорил о прошлом, о тех десяти годах адской работы детской звездой и о том, куда ушли колоссальные гонорары, изменился в лице не только Линь Гохуа — даже Чжэн Мэйлин побледнела.

Они никогда не обсуждали с ним деньги. Откуда он узнал, что они заработали на нём целое состояние?

— Хватит!

Впервые за всё это время заговорила Чжэн Мэйлин, поднимаясь со стула.

Хотя она была женщиной, её деловая хватка значительно превосходила Линь Гохуа — именно она и была настоящей главой семьи.

Как только она заговорила, Линь Гохуа словно снова обрёл опору и с новой злостью уставился на Линь Сюэцэ.

— Кормить мерой — благодарность, кормить ковшом — ненависть, — медленно произнесла Чжэн Мэйлин. — Мы растили тебя больше десяти лет, а ты не только не благодарен, но ещё и полон к нам каких-то претензий. Раз уж тебе с нами так плохо — можешь уйти. Кровного родства между нами нет. Стоит тебе сегодня переступить этот порог — и все долги, обиды и счёты будут списаны. С этого момента между нами ничего не останется.

Как только её слова стихли, Линь Гохуа и Линь Цинтянь не удержались и с насмешкой посмотрели на Линь Сюэцэ.

Уйдёт ли он?

Конечно же — нет.

После разоблачения истории с подменой наследников он оказался в центре общественного осуждения. Его поливали грязью со всех сторон, а он не только не ушёл — он умолял, почти на коленях просил Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин оставить его.

Ребёнка, которого они вырастили собственными руками, они знали как облупленного.

Робкий, чувствительный, закомплексованный, замкнутый, не умеющий говорить — всего восемнадцать лет. Первокурсник, да ещё и на «бесплезном» актёрском факультете. В индустрии — запятнанное имя, работы нет и не предвидится.

Такой человек не сможет ни найти работу, ни прокормить себя.

Семья Линь — его убежище. Единственное место, куда ему идти.

Линь Сюэцэ опустил голову и замолчал. Казалось, Чжэн Мэйлин полностью подавила его волю, и он снова стал тем прежним — робким, жалким, ничтожным.

Линь Гохуа, Чжэн Мэйлин и Линь Цинтянь уже ждали, когда он склонит голову, извинится и послушно сдаст кровь.

Но в следующий миг он вдруг поднял взгляд.

На его лице не было ни страха, ни тревоги — только спокойствие.

Особенно — в этих чёрно-белых, отчётливых глазах. Длинные ресницы, словно вороньи перья — взгляд был поразительно чистым и ясным, как никогда прежде.

— Надеюсь, вы сдержите слово, — Линь Сюэцэ слегка улыбнулся, и его голос опустился, как перо. — Если есть выбор, я лучше буду сиротой, чем вырасту в семье Линь.

Сказав это, он развернулся и ушёл — без тени сожаления.

И только когда его фигура исчезла из гостиной, все трое так и не смогли прийти в себя.

<http://bllate.org/book/14966/1327169>